

УДК 1:316:81.373.21

МОЛОТОВСКИЙ КОКТЕЙЛЬ ДЛЯ ТРАВМИРОВАННОГО СООБЩЕСТВА

Г. А. Янковская

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
yank64@yandex.ru

Рассматривается интеллектуальный феномен «пермистики» – движения пермских интеллектуалов по переопределению и символической реинтерпретации истории города Перми. Пермистика анализируется в рамках теоретической модели социальной травмы (динамической последовательности социальных перемен). Анализируются семантические доминанты, появившиеся в ответ на травмы утраты уникальности территории, утраты имени города и постиндустриального транзита.

Ключевые слова: социальная травма, пермистика, региональная идентичность, стратиграфический патриотизм, пермская мифология, А. Иванов.

«Город Молотов, как Атлантида, скрылся в пучине времени». В этой фразе из книги пермского журналиста и историка Светланы Федотовой «Молотовский коктейль» [Федотова, 2005] в концентрированном виде выражено мироощущение тех, для кого постсоветский кризис идентичности является болезненной социальной травмой. Книга была опубликована в 2005 г., вызвала резонанс, несмотря на то что доминирующие в ней интонации при оценке поступков людей и событий прошлого в общем вписывались в ностальгический бум по советскому, знакомый еще с 1990-х гг. «Молотовский коктейль» интересен другим. Он представляет собой развернутое высказывание (на материале нескольких кейсов из истории Пермского края) о региональной идентичности, по поводу которой в первое десятилетие нового тысячелетия развернулись нешуточные бои местной власти, интеллектуалов и «широкой общественности» [Фадеева, 2011].

В современной России региональная история все чаще становится исходным материалом для технологий, разрабатываемых с целью совместить решение проблемы региональной идентичности и экономической целесообразности, семиотического анализа и туристического менеджмента. На эти тенденции можно взглянуть не только с точки зрения социального проектирования, но и исходя из понятия социальной травмы (реакции общества на болезненные и шоковые перемены). Различные прочтения травмы как динамического процесса социальных перемен постепенно внедряются в сферу гуманитарных наук [Травма: пункты, 2009], что служит, по мнению ряда авторов, индикатором постепенной смены парадигмы социального кризиса парадигмой травмы [Штомпка, 2001, с. 6].

В рамках новой парадигмы развитие любого общества протекает в соответствии с логикой «травматической последовательности» [Там же, с. 8], согласно которой травма утраты прежних ориентиров и смыслов поначалу сменяется рефлексивными практиками проговаривания, фиксации и интерпретации травматических обстоятельств. Затем идет поиск новых консолидирующих факторов, способов примирения с утраченным, а потом создаются предпосылки развертывания новой травматической цепочки. Представляется, что эта модель динамической последовательности социальной травмы применима при интерпретации такого интересного феномена в интеллектуальной истории постсоветской России, как «пермистика».

Под этим термином сегодня подразумеваются очень разные явления: и штудии в области филологии пермских языков, и социально-туристические проекты, и историческое фэнтези, и традиционное краеведение Прикамья. «Пермистика» представлена множеством разнородных исторических, этнографических, филологических, художественных, географических текстов и событий, продвигающих образы и смыслы региональной идентичности территории Западного Урала и ее столицы – города Перми. От книжной серии «Пермь как текст» (2009–2011) до фестиваля «Сердце Пармы», от городского бренда «Дягилев» до мифологем «Пермь – родина поэта Б. Пастернака» и «Пермь – родина писателя А. Грина», от этнофутуристического проекта «Камва» до академиче-

ских форумов о «горнозаводской цивилизации». Трудно найти в России другой город-миллионник, столь озабоченный комплексом собственной уникальности.

В статье речь будет идти о такой ветви пермистики, как интеллектуальное движение по формированию новых семантических доминант в символической реинтерпретации географии, истории и культуры Прикамья, которое зародилось на исходе советской эпохи, раскрыло свой потенциал в 1990-е гг. и сегодня оказывает значительное влияние на самосознание жителей региона и культурную политику местной власти.

В 1980-е гг. в Перми некоторые журналисты, геологи, филологи, деятели искусств (А. Репин, В. Смирнов, В. Абашев, П. Печенкин, В. Раков, Н. Зарубин, Л. Баньковский и др.) уже тогда стремились если не сбросить советскую униформу с местных культурных мифов, то, по крайней мере, добавить ей новых красок¹. Дополнить существующую советскую семиосферу (устойчивые клише риторики тех лет: «Пермь – порт пяти морей», «Пермь – третья столица российского балета», «Пермь – индустриальная столица Западного Урала») символическим наследием финно-угорского населения Прикамья, актуальным искусством и новой методологией гуманитарного знания. За четверть века основатели «пермистики» состоялись в разных областях профессиональной активности, превратились в лидеров экспертных сообществ, входят в референтные группы влияния на культурную политику региональных властей.

С дистанции сегодняшнего дня совершенно очевидно, что это был вариант антисоветской глокализации, иначе говоря, интеллектуального протеста против унифицирующего, стирающего региональные различия советского проекта. В ответ на травмирующее ощущение утраченной за годы советской власти уникальности места, в пике официальной идеологии предлагалось создать новую локальную мифологию, транслирующую миру в разных символических формах идею пермской исключительности.

Есть ряд способов, с помощью которых локальная культура осваивает, осмысляет свою территорию, маркирует ее как суверенное пространство, принадлежащее данной культуре по праву приоритета. Один из таких приемов заключается в укрупнении символического масштаба локуса путем включения его в единую мировую цепь событий, присвоения иного, более глобального масштаба, длительности, мощи. Отсюда характерный для пермистики гигантизм метафор, нарочитые преувеличения, когда, например, соцреалистический роман Веры Пановой «Кружилиха» называется «великим», а одна из немногих обладающих реальной властью женщин сталинской эпохи Вера Балкова оценивается как легенда такого же уровня, как Грета Гарбо, Любовь Орлова или Лени Рифеншталь – не меньше [Федотова, 2005, с. 103].

В соответствии с этой логикой одним из консолидирующих центров в поисках постсоветского самосознания пермской локальной культуры стал стратиграфический патриотизм. Геоприродные характеристики в целом типичны для пермистики [Абашев, 2008; Абашев, Абашева, 2012, с. 143–151]. Однако предметом особой региональной гордости выступает термин «Пермская система», заимствованный из стратиграфии – отрасли геологической науки. Стратиграфия придает геологическим (и не только) представлениям масштабность и историчность, так как изучает напластования горных пород в историческом, временном разрезе. Стратиграфическая шкала служит своеобразным ориентиром, осью координат для многих отраслей знания и, как теперь стало очевидно, для визионерства воображаемых сообществ (носители чувства региональной исключительности составляют одно из них).

Использование собственных имен, топонимики мест, где впервые были выявлены типы геологических разрезов, традиционно для этой науки. Многие термины стратиграфической шкалы связаны с российским пространством. Впрочем, в этой науке широко представлена вся географическая карта мира. Среди стратиграфических названий встречаются такие указатели городов и локусов, как Вятский и Аквитанский, Северодвинский и Датский, Уржумский и Маастрихский, Соликамский и Коньякский, Стерлитамакский и Оксфордский, Пражский и другие ярусы и горизонты. Практика называния эталонных обнажений горных пород по месту их обнаружения и закрепления за ними этих названий по праву приоритета иногда приводит к специфическому местному патриотизму, который в обстановке массовой популяризации научных знаний может стать частью региональной идентичности. Если ни Оксфорду, ни Северодвинску, ни городам Коньяк или Маастрихт палеогеологический патриотизм не свойствен, то именно из стратиграфии черпают аргументы творцы эмблематических символов Прикамья.

Еще в 1970-е гг., когда в ответ на унификацию советского культурного пространства в регионах начинают культивировать приметы местной самобытности и праздновать юбилеи индустриальных городов, в альбоме о Перми можно было прочесть: «Есть несколько всему миру известных названий, которые употребляются с эпитетом “пермский” в единственном в своем роде значении: “пермские боги”, “пермский период Земли”, “Великое Пермское море”» [Михайлюк, 1973, с. 63]. После распада Советского Союза на фоне мощных дезинтеграционных и одновременно глобализационных процессов о названных маркерах пермской культурной идентичности этот же автор пишет еще более категорично: «В этих названиях и сказывается самобытность Перми, ими, если хотите, она и красна» [Михайлюк, 2001, с. 5].

Столь необычное обоснование уникальности Пермской земли было чуть позже дополнено не менее экзотическим тезисом о Перми – месте обитания звероящеров пермского периода. Стремление построить региональную идентичность (иначе говоря, построить образ, с которым себя лично отождествляют жители этой территории) на материалах палеоистории вошло в традицию и широко представлено в краеведческих и глянцевого изданиях. В многочисленных публикациях последних десятилетий именно геология служит доказательством исключительности Перми по сравнению с другими российскими территориями: «Имя города лежит в основе единственного русского названия в мировом геологическом календаре – “Пермской геологической системе”» [Пермь на ладони, 2001, с. 1].

Стратиграфия помогает обосновать историческое значение Перми. Для многих пермяков геологическая древность территории компенсирует относительную историческую молодость города, поскольку «в истории Земли существует пермский возраст. Это более 300 млн. лет назад здесь плескалось море, росли экзотические деревья, бродили гигантские ящеры. Потом море отступило, и начали вздыматься горы... С 1845 г. условный знак “Пермь” присутствует на всех геологических картах мира» [Пермь, 1998, с. 9]. Автор процитированной «Поэмы о городе», говоря об исключительности Перми, допустил массу неточностей и ошибок. Начиная с того, что хронологические рамки «более 300 млн. лет» соответствуют в геохронологической таблице совсем не пермскому, а каменноугольному периоду. Не были до сих обнаружены в пределах пермской системы гигантские ящеры. Да и «пермь» как сокращенное наименование для геологической системы получило массовое распространение гораздо позже указанного 1845 г.

Но эти частности не имеют особого значения для носителей стратиграфического патриотизма. Геология, по мнению творцов современной городской мифологии, делает Пермский регион неповторимым даже в планетарном масштабе: «Более ни один город на планете не удостоился такой высокой чести, чтобы его именем был назван огромный пласт жизни планеты, пермский период, шестой и последний период палеозойской эры в истории Земли» [Михайлюк, 2001, с. 45].

Геология также используется в качестве подтверждения экономического потенциала и значения для мирового хозяйства всего Пермского края: «По свидетельству геологов нефтеносна почти вся территория области... Один из наиболее продуктивных пластов залегает в мировой геологической структуре, открытой именно здесь и получившей международное название “Пермская система”. Именно из этой структуры добывают нефть не только в Европе, но и в Америке» [Perm region, 2001, с. 10]. В процитированном отрывке, как и во многих аналогичных публикациях, много некорректных, формулировок («мировая геологическая структура», «пласты, залегающие в структуре»), которые никогда бы не применил профессиональный геолог. Но для стратиграфического патриота и это не имеет значения, поскольку для него и город Пермь появился на берегу Камы исключительно благодаря геологии: в районе первогорода именно месторождение медистых песчаников дало сырье для медеплавильного завода, без которого не было бы и города. Отсюда вполне понятно, почему «медистые песчаники терригенного разреза коренных горных пород» иногда рассматриваются как «градообразующий центр» Перми [Ожгибесов, 2002].

Список примеров стратиграфического патриотизма пермяков можно без труда продолжить. Хотя эта особенность современного самосознания локальной культуры у стороннего наблюдателя может вызвать скорее скепсис и иронию, поскольку никакой заслуги жителей Прикамья в том, что некий период в геологической истории Земли получил название «пермский», нет. Появление этого термина – результат случая, пример ситуационной условности научных понятий.

Как сейчас уже широко известно, в 1841 г. Прикамье посетил шотландский ученый Родерик Мурчисон, который обнаружил здесь красноцветные отложения, не относящиеся ни к одной из из-

вестных на тот момент геологических систем Земли. Позднее Р. Мурчисон пришел к выводу, что эти напластования представляют собой новую геологическую систему, которую он и назвал по имени места, где было сделано открытие, – «пермская система» палеозоя. Приоритет Родерика Мурчисона в открытии пермской системы и включение ее в глобальную стратиграфическую шкалу, может быть, и не состоялся бы без содействия и помощи русского горного инженера, впоследствии академика Н. И. Кокшарова, который перевел на русский язык и опубликовал в «Горном журнале» частное письмо Р. Мурчисона, в котором впервые говорилось об особой, самобытной геологической системе. Позже аналогичные отложения были обнаружены на всех континентах. Если бы маршрут научной экспедиции Р. Мурчисона сложился иначе, пермская система могла бы носить совершенно другое имя.

Но Р. Мурчисон посетил именно Прикамье, и с тех пор изучение пермской системы является одним из приоритетных научных направлений геологической науки. Институт Пермской системы функционирует в штате Айдахо (США), в Интернете общаются «пермофилы» – исследователи пермской геологической системы. Прежде закрытый город Пермь стал местом проведения международных конгрессов, посвященных изучению одноименной геологической системы [Пермская система земного шара, 1991]. В нем ведет исследовательскую работу Международный институт геологии пермской системы при Пермском государственном университете.

В конечном счете в ответ на травму неразличимости Перми в публичную ротацию были продвинуты сконструированные группой энтузиастов геоприродные параметры локальной идентичности, которые сегодня используются для позиционирования данной территории в глобальном коммуникационном пространстве. Политтехнологи в начале 2000-х гг. – в пик популярности пермского стратиграфического патриотизма – говорили о пермской системе и пермском периоде как о «системном бренде» города и области, позволяющем продемонстрировать неповторимость всего региона, связанную с героической эпохой великих открытий в геологии первой половины XIX в., а также «привлечь дополнительные инвестиции в региональные экономические, образовательные, просветительские и экологические программы» [Ожгибесов, Минаев, 2002]. Использование стратиграфических приоритетов постепенно превратилось в технологию продвижения брендов территорий. Так, администрация и музейно-туристические проектировщики из Соликамского муниципального района Пермского края, знаменитого наследием Строгановых, точкой отсчета локальной идентичности предлагают считать Соликамский горизонт Пермского периода, поскольку «геологии всего мира знают, что причудливо вплетаясь в каменную летопись Пермского геологического периода, по всему миру проходит Соликамский горизонт... Много ли еще мест в России, которые могут похвастаться тем, что их именем названа геологическая эпоха?» [Бординских, 2011].

Оформление в первое десятилетие XXI в. других сценариев региональной исключительности обострило конкуренцию среди творцов пермистики и отодвинуло сторонников геоуникальности Прикамья от эпицентра внимания властей и общества.

Сегодня в конструировании пермского символизма наиболее интенсивно развивается культурно-семиотическое направление. Новый вектор формировался во второй половине 1990-х гг. и был целено обозначен одновременно с миллениумом. В 2000 г. была опубликована книга В.Абашева «Пермь как текст», в которой впервые академически убедительно было представлено семиотическое прочтение Перми [Абашев, 2000]. Впервые этот локус предстал как сумма и результат длительного социального и символического преобразования места. И впервые в той же книге филолог и культуртрегер В. Абашев программно обосновал необходимость масштабного мифотворчества, конструирования новых культурных брендов территории, новых притягательных смыслов в связи с утратой прежних, характерных для советской эпохи.

Идеи и технологии, высказанные в этой и многочисленных последующих публикациях В.Абашева на междисциплинарном языке семиотики, текстуального анализа и культурной истории, достаточно быстро стали в Прикамье частью социально-культурного проектирования с целью развития внутреннего туризма и международных культурных связей. Аналогичный вектор развития – от умозрительных концепций, от литературных текстов к программам развития территории – прослеживается в творчестве и публичной деятельности писателя Алексея Иванова, который в общественном мнении «фактически придумал Пермь» [Россия: способ существования, 2010]. Интерпретация взглядов, творчества и продюсерской активности А.Иванова сегодня – едва ли не отрасль в гуманитарных исследованиях [Абашев, Абашева, 2010; Ребель, 2004]. Его интерпретации геогра-

фии, истории и культуры Урала в целом и Прикамья в особенности прочно вошли в новую региональную мифологию. Поскольку в ней нас интересует только советский пласт, то об одном из проектов А.Иванова речь пойдет позже.

Многие тематические приоритеты в пермистике «нулевых» определялись обидами и унижениями (мнимыми или реальными), нанесенными пермякам после краха советской системы. Проговаривая, рефлексируя, порождая текст за текстом по поводу болезненных событий и процессов, борцы за новую региональную идентичность стремились преодолеть амнезию утраты, обозначить новые точки консолидации.

Одна из самых болезненных тем, обсуждаемых в пермистике, – это нестабильность столичного статуса, на который Пермь постоянно претендует и периодически теряет. История Перми в административно – территориальном делении России хорошо известна. С 1781 г. Пермь была столицей гигантской губернии, и уже в царской России соперничество Перми и Екатеринбурга составляло нерв региональной истории. Если до революции Екатеринбург был уездным городом в составе Пермской губернии, то в 1923 г. Пермь стала всего лишь центром уезда в гигантской Уральской области с центром в Свердловске. До 1938 г. это униженное положение (а в пермистике иначе, чем унижение этот исторический факт и не воспринимается) сохранялось. Именно в этом административном казусе пермяки видят истоки сегодняшней неконкурентности Перми современному Екатеринбургу.

Тому дается следующее толкование: Пермь наказали за свободолобие, за либеральные ценности: известно, что советская власть устанавливалась здесь трудно, город почти без боя был сдан Колчаку в годы Гражданской войны. В интерпретации С. Федотовой эта история выглядит так: «За хлеб-соль Колчаку и контрреволюционность Прикамью придется оправдываться весь социализм. Пермь, управлявшая некогда огромной губернией, в которой Екатеринбург был лишь уездным городом, на какое-то время станет райцентром. Затем ей вернут статус города, но принижать будут всегда. Столицей Урала сделают Екатеринбург, а Пермь назначат захолустьем [Федотова, 2001, с. 64]. Статус позволяет привлекать больше инвестиций, а статус им дала Москва» [Там же, с. 66].

Ссылка на внешний источник бед и поражений (Москву) типична для текстов пермистики, что в наиболее явной форме обнаружилось в ходе баталий по поводу еще одного сценария региональной исключительности – проекта «Пермь – культурная столица России», ставшего в 2010–2012 гг. основным приоритетом пермской региональной политики. Рассмотрение порожденной этим проектом травматической цепочки у сообществ, утративших в ходе реализации этого направления культурной политики прежние статусы, имиджи, влияние – тема отдельного разговора и в данном случае анализироваться не будет.

Постсоветская история разбередила другую боль – травму утраты имени. Исторически город Пермь присвоила чужое имя – имя Перми Великой, соотносимой с северными территориями Прикамья с центром в Чердыни, что расположена на 300 км севернее Перми. Иначе говоря, Пермь имперского периода присвоила вековую историю другой территории. Историю, к которой она не имеет никакого отношения. Но и это имя в XX в. город не смог удержать. С 1940 по 1957 г. Пермь носила имя партийного лидера Вячеслава Молотова. Город М, город Молотов в последние годы все время словно просвечивает сквозь Пермь, и это о многом говорящий социальный, психологический и культурный феномен. Советский Молотов на глазах превращается в важную смысловую структуру локуса, а его имя, однокоренное молотам, без которых не могло обойтись горнозаводское производство, вдруг обнаруживает едва ли не метафизические качества [Абашев, 2010]. Выбор названия для самого молодого театра города – «Сцена-Молот» – лишь один из примеров актуализации другого имени Перми.

Молотов – место рождения многих представителей пермистики. Они соотносят топонимические игры с переименованиями города с насилием над исторической памятью. Метафоры боли, физического принуждения звучат, в частности, в молотовских текстах поэта, историка-медиевиста, культуролога Вячеслава Ракова: «Это inferнальный котел, где неотвратимо гибнет душа и предается забвению Имя. Душа покинула пермскую историю... от нее остался... Механический остов» Пермь первая навсегда ушиблена Молотовым» [Раков, 2009, с. 201].

Риторика его ровесника, писателя А. Королева, опирается на психоаналитические формулы и психологизирует посттравматические рефлексии: «Когда в 1957 г. мой звонкий город молодости Молотов, город молотобойцев, мускулов, моторов, мотоциклов... мой любимый город победы над

немцами вдруг переименовали в какую-то старую изношенную посконную и рыхлую Пермь, я пережил шок... Это отторжение вошло в подсознание как психосоматическая травма – и до сих пор – спустя 65 лет – она мной не изжита» [Город > Пермь, 2009, с. 104].

Драма утраты имени консолидирует достаточно узкое сообщество, в первую очередь интеллектуалов-гуманитариев, тогда как у остро переживаемой многими жителями региона травмы постиндустриального транзита более широкая социальная база. В свое время индустриальный Урал нашел свое отражение в образном мире многих авторов – творцов уральского мифа – сказах Павла Бажова, прозе Мамина-Сибиряка, официальной живописи Александра Герасимова. Историки подчеркивают, что индустриальный контекст логичен и неизбежен для этой территории, где уральские гиганты промышленности зачаровывают масштабностью своих пространств, отлаженностью сложных производственных циклов, энергией людей и подчиненностью их индустриальным ритмам. Постиндустриальный мир низвергает ценности и традиции индустриальной картины мира до такой степени, что может показаться, будто от нее остаются одни руины. Однако параллельно с конверсией индустриальных пространств, с их переформатированием в жилые зоны, музейные и выставочные помещения, районы сосредоточения креативных индустрий, т.е. вместе с процессом отмирания индустриальной функциональности этих территорий, идет процесс мифологизации и концептуальных импровизаций по поводу безвозвратно ушедшего индустриального века.

Реставрация индустриальных приоритетов в региональной модели идентичности в Екатеринбурге, например, происходит в актуальных художественных формах современного искусства и манифестируется в ходе «Уральской индустриальной биеннале» (2010, 2012). В Перми индустриальная мифология наиболее последовательно выражена в серии эссе об уральской исключительности одного из главных творцов пермистики, Алексея Иванова о «горнозаводской цивилизации» и «уральской матрице».

Еще в 2006 г. А. Иванов сформулировал десять отличительных признаков уникальной социокультурной общности «горнозаводской цивилизации»: многоукладность землевладения, тотальная милитаризация, протекция государства, крепостная зависимость основной массы работников, высокая степень капитализации в отношениях с профессионалами, пригородный тип сельского хозяйства, включенность в природные циклы, внеэкономическая взаимозависимость заводов, «железные караваны» как главный способ транспортировки» [Иванов, 2009б].

Однако очень скоро его аргументы социально-экономического характера были дополнены историческим визионерством, в котором особенности развития региона ставятся в прямую зависимость от вечных эссенциальных особенностей уклада жизни и ментальных характеристик жителей Урала. В логической цепочке рассуждений А.Иванова очень важное место отводится советской индустриализации, во время которой, по его представлениям, произошло восстановление «уральской матрицы» в сверхгигантских масштабах [Иванов, 2009а, с. 345]. При такой специфической оптике Молотов убеждает Пермь. Ведь появление в Прикамье зон заключения для осужденных по политическим статьям – это матричное стремление уральцев к «обособлению, выгораживанию себя из внешнего мира, самоизоляции» [Там же, с. 281], неволя и милитаризация – это трехвековая «формула уральской промышленности» [Там же, с. 299], грубые и примитивные формы агрессии – лишнее доказательство извечно мобилизационного уральского менталитета [Там же, с. 301]. В этой логике даже советская ориентация на валовые показатели и штурмовщину – это типичный для уральской матрицы «культ совершенства» [Там же, с. 346].

Эссеистика А. Иванова актуализировала индустриальные мотивы в пермистике, добавила ей новых выразительных средств. Ключевой тезис в его построениях: «Урал – место встречи, граница преобразования», «Урал – плавильный котел» – опирается на фундаментальную характеристику мифологической картины мира – представления о циклическом времени, магических метаморфозах и трансформациях.

Таким образом, в сценариях пермской идентичности, созданных в ходе преодоления пермскими интеллектуалами социальных травм различной этиологии, прочно утвердились не только сюжетные линии о Перми – родине звероящеров пермского периода, Перми – месте пробуждения творческого начала у С.Дягилева и Б.Пастернака, Перми – месте титанической битвы финно-угорской языческой культуры с русской экспансией, но и «героические» версии сталинской индустриализации.

Подчеркну, что посттравматическая рефлексия представителей пермистики в первую очередь актуализирует прошлое, в фокус их внимания редко попадает актуальная, живая Пермь, реалии постиндустриального города перекрываются «героическим культурным прошлым», где нет места современности. В этом движении вперед спиной отчасти кроются истоки конфликта тех, кто продвигает в Перми актуальные формы культуры, и пермского социума, в котором за 20 лет новая пермская мифология укоренилась настолько прочно, что уже давно из элитарного интеллектуального феномена стала частью массовых настроений и культурных практик.

С другой стороны, пассаестичная, обращенная в прошлое посттравматическая рефлексия вполне соответствует общемировой тенденции «потребления истории»: ее использования в прагматических целях ребрендинга территории, развития внутреннего туризма, повышения имиджевой привлекательности региона. Причем импульс именно к такому прочтению сценариев региональной идентичности исходит не от власти или бизнеса, а от самих гуманитариев, утративших в постсоветский период былой социальный статус, и, вольно или невольно, рассчитывающих найти таким способом нишу на узких региональных рынках интеллектуального труда.

Примечания

¹ Первый канонический свод элементов новой региональной мифологии см. [Баньковский, 1991].

Библиографический список

- Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь, 2000.
- Абашев В. В. Неосязаемое тело города. Опыт работы со смыслом [Электронный ресурс]. URL: http://www.gtpp.ru/PC/pc_73.htm
- Абашев В. В., Абашева М. П. Литература и география: Урал в геопозитике России // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2012. № 2(19).
- Баньковский Л. Пермистика. Пермь, 1991.
- Бординских Г. А. Соликамский горизонт Пермской системы. К истокам горнозаводской цивилизации. Соликамск, 2011.
- Город > Пермь. Пермь, 2009.
- Иванов А. В. О «Горнозаводской цивилизации», 2009б [Электронный ресурс]. URL: http://www.arkada-ivanov.ru/ru/my_articles/gornozavodskajacivil/
- Иванов А. В. Город со смыслом. Уральская матрица // Пермь как текст. Пермь, 2009а.
- Михайлюк В. Город мой Пермь. Пермь, 1973.
- Михайлюк В. Пермский лексикон. Пермь, 2001.
- Ожгибесов В. П. Фундаментальное геологическое образование в Пермском государственном университете: глобальный аспект региональной программы // Вестн. Перм. ун-та: Университетское образование. 2002.
- Пермская система земного шара. Ч. 3. Пермское Приуралье. Свердловск, 1991.
- Ожгибесов В. П., Минаев С. И. Парк Пермского периода в виртуальном пространстве и реальной экспозиции сада камней города Перми // Тез. докл. Всеросс. науч.-практ. конф. Ассоциации естественноисторических музеев России (14–18 окт. 2002 г.). М., 2002.
- Пермь на ладони: Путеводитель. Пермь, 2001.
- Пермь. Поэма о городе: Фотоальбом. Пермь, 1998.
- Раков В. М. Пермский диптих // Пермь как текст. Пермь, 2009.
- Ребель Г. И. «Пермское колдовство», или роман о Парме Алексея Иванова // Филолог. 2004. Вып. 4 [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_74
- Россия: способ существования [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrep.ru/article/2010/10/05/literatura>
- Травма: пункты. М., 2009.
- Фадеева Л. А. Борьба за конструирование региональной идентичности: пермский случай // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Политология». 2011. Вып. 2 (14).
- Федотова С. Л. Вольный путеводитель (заметки о Пермской области). Пермь, 2001.
- Федотова С. Л. Молотовский коктейль. Пермь, 2005.
- Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. № 1.
- Perm Region. Буклет. Пермь, 2000.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.07.2012

MOLOTOV COCKTAIL FOR A TRAUMATIZED SOCIETY

G. A. Yankovskaya

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia
yank64@yandex.ru

In modern Russia a regional history becomes the original material for the techniques, which combine an attempt to consider regional identity issue and economic viability, semiotic analysis and tourism management. All these approaches could be considered from the point of both social planning and the concept of social trauma (dynamic society reaction to some negatively affecting and shocking changes). The article considers an intellectual phenomenon «Permistika» – a movement typical for the social and cultural life of Perm of 1980-s – 2000-s – in the framework of this theoretical approach. The article analyses the following point: in what way the traumas of regional uniqueness loss, city name loss and postindustrial transit, which were turned into real problems in Post-Soviet period, affected planning and artistic activities of the representatives of this movement. Special attention is paid to three components of Permistika; stratigraphic patriotism – belief in regional uniqueness based on the priority given to the city of Perm in naming a geologic period «Permian Period»; cultural semiotic design of new symbols and significance of city space and new urban mythology which appeals to heroic images from Stalin period of industrialization and meta-physical mining civilization.

Key words: Social trauma, permistik movement, regional identity, stratigraphic patriotism, perm mythology, A. Ivanov.

References

- Abashev V. V.* Neosyazaemoe telo goroda. Opyt raboty so smyslom [e-resource]. URL: http://www.gttp.ru/PC/pc_73.htm
- Abashev V. V.* Perm kak tekst. Perm, 2000.
- Abashev V. V., Abasheva M. P.* Literatura i geografiya: Ural v geopoetike Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2012. № 2(19). P. 143–151.
- Bankovskiy L.* Permistika. Perm, 1991.
- Bordinskikh G. A.* Solikamskiy gorizont Permskoy sistemy. K istokam gornozavodskoy tsivilizatsii. Solikamsk, 2011.
- Fadeeva L. A.* Borba za konstruirovaniye regionalnoy identichnosti: permskiy sluchay // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Politologiya». 2011. Iss. 2 (14). P. 43–51.
- Fedotova S. L.* Molotovskiy kokteyl. Perm, 2005.
- Fedotova S. L.* Volnyy putevoditel (zametki o Permskoy oblasti). Perm, 2001.
- Gorod > Perm. Perm, 2009.
- Ivanov A. V.* Gorod so smyslom. Uralskaya matritsa // Perm kak tekst. Perm, 2009a.
- Ivanov A. V.* O «Gornozavodskoy tsivilizatsii», 2009b [e-resource]. URL: http://www.arkada-ivanov.ru/ru/my_articles/gornozavodskajacivil/
- Mihaylyuk V.* Gorod moy Perm. Perm, 1973.
- Mihaylyuk V.* Permskiy leksikon. Perm, 2001.
- Ozhgibesov V. P.* Fundamentalnoye geologicheskoye obrazovaniye v Permskom gosudarstvennom universitete: globalnyy aspekt regionalnoy programmy // Vestnik Permskogo universiteta: Universitetskoye obrazovaniye. 2002.
- Ozhgibesov V. P., Minaev S. I.* Park Permskogo perioda v virtualnom prostranstve i realnoy ekspozitsii sada kamney goroda Permi // Tez. dokl. Vseross. nauch.-prakt. konf. Assotsiatsii estestvennoistoricheskikh muzeev Rossii (14–18 okt. 2002 god). Moscow, 2002.
- Perm na ladoni: Putevoditel. Perm, 2001.
- Perm Region. Buklet. Perm, 2000.
- Perm. Poema o gorode: Fotoalbom. Perm, 1998.
- Permskaya sistema zemnogo shara. P. 3. Permskoye Priuralie. Sverdlovsk, 1991.
- Rakov V. M.* Permskiy diptih // Perm kak tekst. Perm, 2009.
- Rebel G. I.* «Permskoye koldovstvo», ili roman o Parme Aleksey Ivanova // Filolog. 2004. Iss. 4 [e-resource]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_74
- Rossiya: sposob sushchestvovaniya [e-resource]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/3853438/post137321606/>
- Shtompka P.* Sotsialnoye izmeneniye kak travma // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2001. No. 1. P. 6–16.
- Travma: punkty. Moscow, 2009.